

7. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 - 2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 2 фев. 2021 г., № 66 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100066&p1=1>. – Дата доступа: 21.04.2023.

8. О концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P219s0001&p1=1>. – Дата доступа: 20.04.2023.

9. Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология : сб. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Объед. ин-т проблем информатики; редкол.: А. В. Тузиков (пред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 267 с.

10. Digital Government Masterplan 2021–2025 [Electronic resource] // Digital Government. – Mode of access: https://ssproxy.ucloudbiz.olleh.com/v1/AUTH_43bef30e-e040-499e-86d0-70552f8bf804/CDNStorage/upload/attach/2021/12/27/Digital%20Government%20Masterplan%202021-2025.pdf. – Date of access: 7.03.2024.

11. Korea's 100 Digital Government Services [Electronic resource] // Digital Government. – Mode of access: https://ssproxy.ucloudbiz.olleh.com/v1/AUTH_43bef30e-e040-499e-86d0-70552f8bf804/CDNStorage/upload/attach/2023/03/02/Korea%27s%20100%20Digital%20Government%20Services.pdf. – Date of access: 27.03.2024.

12. National Strategy for a Great Transformation. Korean New Deal [Electronic resource] // Government of the Republic of Korea. – Mode of access: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/kor203848.pdf>. – Date of access: 26.03.2024.

13. 정부24 [Electronic resource] // Ministry of the Interior and Safety. – Mode of access: <https://www.gov.kr/portal/main/nologin>. – Date of access: 26.03.2024.

Е.С. Сухобоченков,
аспирант РАНХиГС (Москва, Россия)
Научный руководитель – к.полит.н. А.К. Сковиков

МЕСТО ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ИНФОРМАТИЗАЦИИ: ПОРА ЛИ ВНОСИТЬ ИЗМЕНЕНИЯ?

Мировой политический процесс развивается динамично и противоречиво. При этом, «процессы глобализации, начавшиеся со второй половины XX в., не оправдали одну из поставленных целей не только распространения либеральных, а в последствии неолиберальных идей на страны Востока, но

и руководство ими при принятии основополагающих решений высшими должностными лицами государства» [6, с. 160].

Тема государственного суверенитета является одной из ключевых как среди правящей элиты, так и научного сообщества [1; 2]. Государственный суверенитет – это неотъемлемый структурный элемент любого государства, без которого оно не может считаться полноценным. С практической точки зрения, государство, не имеющее суверенитета, является зависимой территорией (подобием колонии), которая находится под управлением внешних политических сил. Хотя власти подобной территории и могут заявлять, что они самостоятельны в принятии своих и осуществлении своих полномочий в рамках подконтрольной им территории, в реальности же они подчиняются указаниям различных зарубежных групп влияния. Подобные власти называются компрадорскими элитами, а суверенитет страны, который существует исключительно на декларативном уровне, классифицируется, как формальный.

В современном мире тренд на «формализацию» суверенитета становится серьезной угрозой для любого независимого государства. Существует большое количество разного рода причин и предпосылок к развитию данного процесса. С одной стороны, это борьба отдельных государств за мировую гегемонию посредством превращения государств в марионеточные образования. Например, США с 1990-х гг. выбрали одним из инструментов установления своего влияния на другие страны совершение на их территориях государственных переворотов и революций с последующим установлением проамериканских элит. Тем самым, государство теряло свой суверенитет и становилось больше похожим на зависимую колонию. Современное территориальное образование, которое именуется «Украиной», является одним из наиболее ярких примеров десуверенизированной страны. Политолог Е. В. Рябинин справедливо констатировал, что «еще несколько лет назад никто не мог предположить, что именно конфликт на Донбассе будет определять контуры будущего мирового порядка, который находится сегодня на стадии своего формирования и будет в дальнейшем определяться биполярностью. Коллективный Восток, в свою очередь, будет характеризоваться многополярностью, поскольку страны блока принадлежат к разным цивилизациям со своей философией, религией, со своим взглядом на развитие, а также своим местом и ролью в формирующемся политическом мире» [4, с. 66].

С другой стороны, современный технологический уклад, в рамках которого основную роль играют цифровизация и информатизация, приводит к появлению новых угроз и вызовов для независимости государств. Прежде всего, это обуславливается тем, что информация стала глобально доступным ресурсом. Средства ее хранения и передачи становятся все более дешевыми, так же кратно выросло количество инструментов для ее обмена. В свою очередь, это приводит к тому, что границы государств становятся транспарентными для информационных потоков. Различные общества становятся все более связанны друг с другом за счет постоянного обмена данными между собой,

тем самым устранив фактор географических расстояний. Так, если ранее новости могли распространяться несколько дней по всему миру, а средства их доставки можно было легко контролировать (например, «глушить» определенные радиостанции), то сейчас любая новость расходитя по миру за несколько часов. Такая доступность информации приводит к тому, что в мире формируется глобальное информационное общество, которое становится новой формой мирового социума. И если в начале XXI в. об этом процессе можно было говорить, как о некоем тренде, то сейчас это уже свершившийся факт.

Объединение обществ закономерно ведет и к объединению государств, выраженным в глобализации. Глобализация, как одно из явлений цифровизации, стало многосторонним процессом ведущим к постоянно возрастающей взаимозависимости государств в единую глобальную структуру со стиранием традиционных государственных границ. Иными словами, глобализацию можно прировнять к десуверенизации, так как находясь в рамках единого пространства национальные государства и власти более не обладают полной независимостью в управлении и принятии решений в рамках подконтрольной им территории, так как вынуждены исполнять распоряжения наднациональных органов управления, без создания которых никакая схема полноценной интеграции невозможна.

На данным момент, процесс находится на этапе формирования отраслевых интеграционных объединений, которые существуют в мультирегиональном формате. Например, Транс-тихоокеанское партнерство было создано как торговое соглашение между странами АТР и Северной Америки, которое подразумевает снижение тарифных барьеров в сфере внешней торговли, регулирование в таких сферах областях, как трудовое право, экологическая политика, интеллектуальная собственность и т.д. То есть, страны-участницы добровольно передают часть своих суверенных прав по регулированию указанных сфер государственной жизни на уровень внешнего регулирования взамен на некие блага.

Как отдельно взятый договор ТТП не представляет большой опасности для государственного суверенитета страны, но необходимо учитывать количество прочих подобных региональных, трансрегиональных и международных организаций по всему миру. В той или иной степени каждая из них стремится регулировать вопросы экономики, торговли, политики, социально-культурной сферы на международном, а не внутригосударственном уровне. К таковым можно отнести ВТО, МВФ, АТЭС, АСЕАН, НАТО и т.д.

Отдельно нужно выделить тот факт, что глобализацией активно пользуются США для усиления своего влияния в мире. Еще в начале XXI в. они начали активно реализовывать модель западного глобализма, которая помимо прочего подразумевала под собой ограничение, а далее полное устранение государственного суверенитета. Американскую интеграционную модель можно охарактеризовать, как переосмысленную систему колониализма, в рамках которой территория государств занимается не за счет военной силы,

а при помощи втягивания стран в западную мировую интеграционную систему. Становясь членом той или иной, созданной США или Европой организаций, государство из внешнего мира начинает постепенно передавать часть своих полномочий на наднациональный уровень управления. Вместе с тем, «сверху» к властям приходит все больше ограничений по ведению экономической, внешнеторговой, внутри и внешне политической деятельности и т. д. Таким образом, постепенно происходит процесс ограничения государственного суверенитета вплоть до его полной формализации и в конечном итоге такое государство превращается в зависимую территорию с компрадорской элитой, которая является назначенной извне администрацией исполняющей приказы властей метрополии. Та же Украина является наиболее ярким тому примером [5].

С другой стороны, в мире сегодня сформировалась и иная концепция глобализация – регионализация. Ее формирование было заложено еще в начале 2000-х гг. по инициативе России и Китая. М. А. Сущенко справедливо отмечает, что «важной особенностью политического развития Китая в рамках текущего этапа является значительная внешнеполитическая составляющая среди его основных факторов. Поэтому стабильность и устойчивость развития Китая в новых условиях будет являться одновременно основанием и целью общественного развития» [7, с. 150]. Так как это страны традиционных взглядов на место и роль государства в международных делах, то и в концепцию регионализма был заложен принцип синергии всех ее участников [3]. Иными словами, глобальная интеграция с таким уровнем управления на наднациональном уровне, который не препятствует суверенному существованию стран-участниц. Например, БРИКС, который сформировался еще в 2009 г., превратился из площадки для диалога между его членами в динамично развивающееся интеграционное объединение. И тот факт, что не так давно его членами стали такие крупные экономики, как ОАЭ, Иран, Египет и Эфиопия, говорит о том, что он становится одним из центров интеграции развивающихся стран. Заметим, что «исторически сложившаяся система совместной работы России и Китая и по сегодняшний день настроена на формирование равной модели мироустройства, где БРИКС выступает в качестве одного из рычагов давления на устройство порядка многополярного мира» [8, с. 163].

Отсюда следует, что в течении последующих пяти лет мы будем наблюдать борьбу за лидерство между двумя моделями глобализации, которая будет выражаться в расширении существующих и, возможно, создании новых экономико-политических объединений. Глобальный мир – это практически неизбежное явление, которое подстегивает текущий информационно-технологический прогресс [9; 10]. А это означает что уровень независимости государства будет постепенно возрастать. Отсюда следует, что сегодня институт государственного суверенитета на развилке: с одной стороны, он остается неизменен и функционирует по принципам, заложенным еще во времена

Вестфальского мира; с другой стороны, существует острая необходимость в его концептуальном переосмыслении в эпоху глобализации.

Прежде всего, государственный суверенитет должен перейти в информационное измерение – цифровой суверенитет. Контроль над информационным пространством сегодня важен не меньше, чем контроль над территорией государства. Именно поэтому многие государства, в том числе и Россия, принимают большое количество законов регулирующих деятельность индивидов, социальных групп и различных организаций в цифровой среде. Без этого, любое государство становится уязвимым ко внешнему влиянию, что в итоге может привести либо к государственному перевороту, как это уже было в Украине в 2014 г., и приходу к власти той самой компрадорской элиты, которая постепенно перерастет в колониальную администрацию.

Другим важным фактором становится переосмысление суверенитета в разрезе интеграционных процессов. Необходимо провести четкое разграничение между теми полномочиями, которое государство может передать на наднациональный уровень и теми, которые должны остаться в ведении национальных властей. Кроме того, с теоретической точки зрения большинство государств сегодня обладает ограниченным суверенитетом из-за того, что большое количество внешних договорных обязательств обуславливает работу внутренних систем страны. На наш взгляд такой подход неправильный, следует расширить понятие ограниченного суверенитета и установить, что он может быть признан ограниченным только в том случае, если более чем половину функций в государстве исполняется со стороны наднациональных властей, как это имеет место быть в Европейском Союзе. Это очень хороший пример стран с ограниченным суверенитетом, которые не обладают полной свободой в имплементации своей внутренней и внешней политики, но все же имеют право голоса в рамках коллективных надгосударственных органах управления.

В заключении можно отметить, что государственный суверенитет на текущий момент переживает сложное время. С точки зрения смены технологического уклада и появления нового – цифрового – измерения в жизни государства, он устарел и его необходимо реформировать. Отдельную проблему создает порожденная технологизацией и цифровизацией глобализация, которая стимулирует процесс диффузии суверенитета у стран, активно принимающих участие в ее процессах. Особенно если речь идет о западной модели глобализма. Но даже модель регионализации, несмотря на принцип независимости, как один из основных, все равно приводит к определенной потере государствами небольшой части своей независимости. И это процесс неизбежен, и он лежит не в пагубности регионализации или же глобализации в целом, а в устаревшем понимании института государственного суверенитета. Очевидно, что всю его теоретическую основу государственного суверенитета необходимо пересматривать с точки зрения новых реалий. Разработать новые инструменты и методики по его сохранению иначе существует риск того, что через 40-50 лет

в мире государства утратят свой суверенитет и переформируются в иные, более глобальные территориальные образования.

Литература:

1. Златанов, Б. Г. Национальная безопасность в контексте научных исследований / Б. Г. Златанов // Youth World Politic. – 2019. – № 2. – С. 3–12.
2. Казбан, Е. П. Геополитические модели как инструменты анализа современных мировых процессов / Е. П. Казбан, М. А. Верниченко, А. В. Кирка // PolitBook. – 2023. – № 1. – С. 70–86.
3. Лукиянова, Д. В. Геополитическое взаимодействие России и Китая: в новых постпандемийных реалиях / Д. В. Лукиянова, А. В. Шумилов // PolitBook. – 2022. – № 4. – С. 167–183.
4. Рябинин, Е. В. Особенности формирования региональной политико-культурной идентичности Донбасса / Е. В. Рябинин // PolitBook. – 2024. – № 1. – С. 65–81.
5. Рябинин, Е. В. Кросс-темпоральный анализ причин активизации идей федерализации Украины / Е. В. Рябинин // PolitBook. – 2023. – № 1. – С. 178–196.
6. Сковиков, А. К. Государственный суверенитет в условиях глобализации, сетевизации и цифровизации / А. К. Сковиков, В. Г. Пржедарова, А. В. Шумилов // PolitBook. – 2023. – № 1. – С. 58–69.
7. Сущенко, М. А. Традиции и перспективы политико-институционального развития КНР / М. А. Сущенко // PolitBook. – 2024. – № 1. – С. 140–154.
8. Шумилов, А. В. Геополитическая роль деятельности России и Китая в составе ШОС и БРИКС в формировании интеграционного контура / А. В. Шумилов // PolitBook. – 2024. – № 1. – С. 155–165.
9. Щенина, О. Г. Топология цифровизации пространства политических отношений / О. Г. Щенина // PolitBook. – 2024. – № 2. – С. 34–47.
10. Юрченко, Н. Н. Антропологические факторы трансформации социально-политических институтов под влиянием цифровизации / Н. Н. Юрченко // PolitBook. – 2024. – № 1. – С. 6–14.

З.Ф. Телеш,

*магистрант ГрГУ им. Я. Купалы (Гродно, Беларусь)
Научный руководитель – к. филол. н. Т.А. Пивоварчик*

ЦИФРОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ

Республика Беларусь в информационно-коммуникационном отношении является высокоразвитой страной. Текущая позиция Беларуси по значению индекса развития информационно-коммуникационных технологий в мировом рейтинге Международного союза электросвязи из 176 стран – 32-я. По индексу